

УДК [81'42+81'373.612.2]:82-057.36
DOI <https://doi.org/10.32999/ksu2663-3426/2020-1-40>

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СМЕРТИ В ВОЕННО-ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ СИЛ

Храбан Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Военный институт телекоммуникаций и информатизации
Xraban.Tatyana@gmail.com
orcid.org/0000-0001-5169-5170

Иващенко Татьяна Митрофановна,
доцент кафедры иностранных языков
Военно-дипломатическая академия имени Евгения Березняка
bonia.napoleon@gmail.com
orcid.org/0000-0002-7302-9811

Целью статьи является исследование метафорических моделей смерти в военно-поэтическом дискурсе участников операции Объединенных сил. **Материалы и методы.** Для решения этой задачи актуальным является метод семантико-когнитивного моделирования метафоризации. **Результаты.** Анализ текстовых фрагментов военно-поэтического дискурса позволил выделить основные метафорические модели смерти. В границах метафорической модели СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ смерть предстает как один из персонажей празднования торжества сил Зла во главе с их зловещим повелителем – Войной. Модификацией рассмотренной метафорической модели является СМЕРТЬ – ОПЛАТА. Смерть в этой модели воспринимается как та цена, которую платят комбатанты за мир в стране. В метафорической модели СМЕРТЬ – БЛУДНИЦА смерть представлена как духовная помощница дьявола, которая «упоена была кровью святых». Кроме того, в этой метафорической модели формула «смерть соблазняет» имеет явную параллель с выражением «поцелуй смерти». В этом случае это – не просто физическая смерть индивидуума, а смерть Эго. Модель СМЕРТЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ БЫТИЯ развивает идею, что сознательная жизнь личности продолжается в некоей форме и после смерти, однако речь здесь идет не о бессмертии, а о жизни иного содержания. Архетип жертвенности в метафорической модели СМЕРТЬ – АКТ ИСКУПЛЕНИЯ помогает показать желание комбатантов пожертвовать своей жизнью во имя Родины и ближних. В данном случае репрезентации смерти мы имеем дело с моделью, делающей акцент на основном догмате христианства – идее искупления. Метафорическая модель СМЕРТЬ – ЗАБВЕНИЕ идентифицирует смерть как пустоту, бесцельность и бессмысленность существования. Метафорическая модель СМЕРТЬ – ПОКОЙ распознает смерть как отдых комбатантов от длительного пребывания в жизненно опасных обстоятельствах, значительного эмоционального влияния, психического и физического перенапряжения, психосоматического истощения. В метафорической модели СМЕРТЬ – НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ смерть трактуется в ракурсе диалектического взаимодействия жизненного и смертного начал человеческого бытия. **Выводы.** Анализ метафорических моделей демонстрирует когнитивное укоренение в сознании комбатантов моделей смерти, основывающихся на мифологических, религиозных и философских идеях.

Ключевые слова: семантико-когнитивное моделирование, метафора, дискурсивное конструирование.

МЕТАФОРИЧНІ МОДЕЛІ СМЕРТІ У ВІЙСЬКОВО-ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ УЧАСНИКІВ ОПЕРАЦІЇ ОБ'ЄДНАНИХ СИЛ

Храбан Тетяна Євгенівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов
Військовий інститут телекомунікацій та інформатизації
Xraban.Tatyana@gmail.com
orcid.org/0000-0001-5169-5170

Иващенко Тетяна Митрофанівна,
доцент кафедри іноземних мов
Військово-дипломатична академія імені Євгена Березняка
bonia.napoleon@gmail.com
orcid.org/0000-0002-7302-9811

Метою статті є дослідження метафоричних моделей смерті у військово-поетичному дискурсі учасників Операції об'єднаних сил. Матеріали та методи. Для вирішення цього завдання актуальним є метод семантико-когнітивного моделювання метафоризації.

Результати. Аналіз текстових фрагментів військово-поетичного дискурсу дав змогу виділити основні метафоричні моделі смерті. У межах метафоричної моделі СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕННЯ смерть постає як один із персонажів святкування торжества сил Зла на чолі з їх зловісним повелителем – Війною. Модифікацією розглянутої метафоричної моделі є СМЕРТЬ – ОПЛАТА. Смерть у цій моделі сприймається як та ціна, яку платять комбатанти за мир в країні. У метафоричній моделі СМЕРТЬ – БЛУДНИЦЯ смерть представлена як духовна помічниця диявола, яка «п'яна від крові святих». Крім того, в цій метафоричній моделі формула «смерть спокушає» має явну паралель із виразом «поцілунок смерті». У цьому разі це не просто фізична смерть індивідуума, а смерть Его. Модель СМЕРТЬ – ПРОДОВЖЕННЯ БУТТЯ розвиває ідею, що свідоме життя особистості триває в якійсь формі і після смерті, проте тут йдеться не про безсмертя, а про життя іншого змісту. Архетип жертовності в метафоричній моделі СМЕРТЬ – АКТ СПОКУТИ допомагає показати бажання комбатантів пожертвувати своїм життям в ім'я Батьківщини і ближніх. У цьому разі репрезентації смерті ми маємо справу з моделлю, що робить акцент на основному догматі християнства – ідеї спокутування. Метафорична модель СМЕРТЬ – ЗАБУТТЯ ідентифікує смерть як порожнечу, безцільність і безглуздість існування. Метафорична модель СМЕРТЬ – СПОКІЙ розпізнає смерть як відпочинок комбатантів від тривалого перебування в життєво небезпечних обставинах, значного емоційного впливу, психічного і фізичного перенапруження, психосоматичного виснаження. У метафоричній моделі СМЕРТЬ – ПОЧАТОК НОВОГО ЖИТТЯ смерть трактується в ракурсі діалектичного взаємодії життєвого і смертного принципів людського буття. **Висновки.** Аналіз метафоричних моделей демонструє когнітивне укорінення у свідомості комбатантів моделей смерті, що ґрунтуються на міфологічних, релігійних і філософських ідеях.

Ключові слова: семантико-когнітивне моделювання, метафора, дискурсивне конструювання.

METAPHORIC MODELS DEATH IN MILITARY-POETIC DISCOURSE OF THE PARTICIPANTS IN JOINT FORCES OPERATION

Khraban Tatiana Evhenevna,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor at the Department of Foreign Language

Military Institute of Telecommunications and Information Technologies

Xraban.tatyana@gmail.com

orcid.org/0000-0001-5169-5170

Ivashchenko Tatiana Mytrofanovna,

Associate Professor at the Department of Foreign Languages

Evgeny Bereznyak Military Diplomatic Academy

bonia.napoleon@gmail.com

orcid.org/0000-0002-7302-9811

The **aim** of the article is to study the metaphorical models of death in the military-poetic discourse of the participants in the Joint Forces Operation. **Materials and methods.** The method of semantic-cognitive modeling of metaphorizing is relevant for solving this problem. **Results.** An analysis of the text fragments of the military-poetic discourse made it possible to identify the main metaphorical models of death. Within the boundaries of the metaphorical model DEATH – IMPIOUS SACRIFICE death is apprehended as one of the characters in the triumphal celebration of the Forces of Evil that is presided by their sinister overlord – War. A modification of this metaphorical model is DEATH – PAYMENT. Death in this model is perceived as the price that combatants pay for peace in their country. In the metaphorical model DEATH – HARLOT death is presented as the spiritual assistant of the Devil that “was drunk with the blood of the saints”. In addition, in this metaphorical model the formula “death seduces” has a clear parallel with the expression “kiss of death”. In this case, it is not just the physical death of the individual but also the death of the Ego. The DEATH – CONTINUATION OF THE LIFE model develops the idea that the conscious life of a person continues in a certain form after death, however, this is not in the sense of immortality but in the sense of transformation. The archetype of sacrifice in the metaphorical model DEATH – THE ACTION OF ATONEMENT helps to show the desire of combatants to sacrifice their lives in the name of the Homeland and their family and friends. In this representation of death, we deal with a model that focuses on the basic dogma of Christianity – the idea of the vicarious sufferings of Christ. The metaphorical model DEATH – OBLIVION identifies death as emptiness, purposelessness and meaninglessness of existence. The metaphorical model DEATH – PEACE recognizes death as the rest of combatants from a prolonged stay in life-threatening circumstances, significant emotional impact, mental and physical stress, psychosomatic exhaustion. In the metaphorical model DEATH – THE BEGINNING OF A NEW LIFE death is interpreted in terms of the dialectical interaction of life and mortal principles of human existence. **Conclusions.** An analysis of metaphorical models demonstrates the cognitive rooting in combatants' consciousness of the models of death based on mythological, religious and philosophical ideas.

Key words: semantic-cognitive modeling, metaphor, discursive construction.

Введение

Понятие *концепт* является одним из ключевых при исследовании проблем в рамках антропоцентрической парадигмы. Концепты, которые образуют нашу концептуальную систему, структурируют знание и опыт человека, а также отражают национальную специфику мировосприятия. Подавляющее большинство этих концептов носит метафорический характер, «их сущность заключается в том, чтобы выражать понимание и частичное испытание на опыте одних объектов в терминах других объектов» (Попова, 2017: 126). Метафоричность – один из важнейших признаков современного военно-поэтического дискурса участников операции Объединенных сил. Реалии боевых конфликтов получает в дискурсе смысловое наполнение с опорой на то, как они метафорически репрезентируются, а именно какие способы классификации и концептуализации задействуются при ее описании, какие эмоции и ценностные установки ассоциируются с ней» (Малый, 2019). Метафорические репрезентации играют центральную роль в описании повседневного опыта комбатантов, и, вследствие того, что «война воспринимается и осознается в метафорических терминах, актуальным является выявление использования метафор, конфигурирующих военные действия» (Малый, 2019). Анализ метафор, используемых для описания военных событий, дает возможность понять эмоционально-психологическое состояние комбатантов, а также те умозрительные модели и обобщения, которые создает каждый субъект при столкновении с реалиями военных конфликтов. Особый интерес представляет концептуальная метафора *смерти*, поскольку изменения в восприятии и осмыслении смерти отражают иную социокультурную ситуацию, смену системы ценностных ориентаций и механизмов смыслового установления и поддержания человека в мире.

1. Концептуальный аппарат исследования

Анализ исследований и публикаций. Исследование когнитивных метафор вписано в контекст междисциплинарных исследований, в которых рассматривается широкий спектр лингвистических, социальных, философских и психологических параметров. Для подготовки этой статьи значимыми стали научные работы Е. Моховой (Мохова, 2010) (проанализировано военные метафоры в политическом дискурсе президентов

Барак Обама и Никола Саркози), Н. Малого (Малый, 2018) (охарактеризовано построение гендерно ориентированной модели концептуальных метафор в текстах военных репортажей и аналитических статей), Е. Долговой (Долгова, 2018) (рассмотрено особенности метафоризации концепта *ВОЙНА* в новостном медийном дискурсе), J. Grady, E. Faur, M. Madsen, C. Johnson (исследовано когнитивная/концептуальная природа метафоры) (Grady & Johnson, 2002; Faur, 2014; Madsen, 2016) и другие. Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию различных аспектов когнитивных метафор, в этой статье впервые рассматривается военно-поэтический дискурс участников операции Объединенных сил в ракурсе метафоризации.

Цель статьи – исследовать метафорические модели смерти в военно-поэтическом дискурсе участников операции Объединенных сил.

Материалы и методы исследования. Для решения этой задачи актуальным является метод семантико-когнитивного моделирования метафоризации. Метафоризация в статье рассматривается как «процесс такого взаимодействия сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении пересмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, вплетается и в картину мира, выражаемую языком (Долгова, 2018: 23). Метафорическое моделирование рассматривается как «способ создания и реконструкции национальной или индивидуальной метафорической картины мира, отражающей регулярность и производительность определенных метафорических моделей в конкретный исторический период» (Кравцова, 2011: 47). При этом под метафорической моделью понимается существующая в сознании носителей языка схема вербализации коррелятивных в ассоциативном плане понятий. Она содержит следующие компоненты: 1) исходную понятийную сферу метафорической проекции; 2) новую понятийную сферу метафорической проекции; 3) семантико-когнитивный формант, который интегрирует эти сферы (Кравцова, 2011: 47).

2. Изложение основного материала

Проанализируем текстовые фрагменты военно-поэтического дискурса, содержащие

концептуальные метафоры, и выделим основные метафорические модели смерти.

Метафорическая модель СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ: *Невже учора все наснилось: ще не підписано вінок, смерть на побачення спізнилась, її нездійснений танок... Химери, демони, примари... війні поклони віддають. Дощем впадуть криваві хмари, святих у пекло поведуть....* В границах этой метафорической модели смерть предстает как один из персонажей празднования торжества сил Зла во главе с их зловещим повелителем – Войной. В описании порочного действия, которое посвящено воспеванию Войны, имеется явная тенденция автора к стремлению эпатировать, шокировать, вызвать иные негативные чувства и ощущения у читателей. Так, апогеем этого нечестивого празднества стает особенное кощунство, когда зловещему повелителю смерти в качестве знака преданности приносится кровь невинной жертвы (*Дощем впадуть криваві хмари, святих у пекло поведуть*). В метафорической модели СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ отражаются танатические тревоги, то есть негативные переживания, порождаемые осознанием близкого присутствия и угрозы смерти, и касающиеся не столько факта прекращения своего существования, сколько осознания своей беспомощности и незащитности перед лицом столь могущественной силы. Понимание факта собственной смертности, конечности своего существования отражается на эмоциональном состоянии комбатанта. В метафорической модели СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ это проявляется на языковом уровне манифестацией эмоций гнева, отвращения и ненависти, то есть такого эмоционального состояния, которое в целом можно охарактеризовать как состояние неприятия идеи смерти.

Модификацией рассмотренной метафорической модели является СМЕРТЬ – ОПЛАТА (*І ще сотні таких як і він, залишились в тій тиші нічній, назавжди у пекельному «котлі», стали платою суці-війні*). Отличие двух метафорических моделей состоит в разных определениях концепта **ВОЙНА** в составе этих моделей. Если в первом случае зловещие мифологические и мистические существа играют главную роль в репрезентации концепта **ВОЙНА**, то во втором варианте не первый план выходят элементы, представляющие войну как катастрофу. В данном случае метафорическая модель теряет семантический

компонент «насильственность», «принуждение». Смерть в модели СМЕРТЬ – ОПЛАТА воспринимается как та цена, которую платят комбатанты за мир в стране (*Не рушить буря окна в вашем доме! И детки в колыбели спят спокойно! За это свои жизни отдаем!*).

Метафорическая модель СМЕРТЬ – БЛУДНИЦА (*Солнце светит, жаром хлещет, раскаленная земля. Смерть в бикини, в шляпке черной крутит тазом вензеля. Соблазняя раз за разом, прикрывая наготу, забирает нас с собою в вековую пустоту. Рвет в куски железный воздух, мин осколочный металл, и, поддавшись чарам Смерти, кавалер ее упал*) является логическим продолжением метафорической модели СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. Корни интерпретации смерти как нечестивой искусительницы следует искать в христианской традиции, в которой персонаж «Вавилонская блудница» представляется как духовная помощница дьявола, которая «упоена была кровью святых» (Урюпин, 2015). Кроме того, формула *смерть соблазняет* имеет явную параллель с выражением «поцелуй смерти». В этом случае, это – не просто физическая смерть индивидуума, а мистическая смерть, означающая умирание прежде смерти, то есть не смерть телесная, а смерть Эго, персональной идентификации (*Мы все здесь погибли поровну, кто-то реально, а кто-то в душе*).

Метафорические модели СМЕРТЬ – НЕЧЕСТИВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ и СМЕРТЬ – БЛУДНИЦА отражают восприятие смерти как чего-то ненормального, ошибочного. Соответственно, отношение к смерти – борьба того же порядка, что и преодоление пороков и несовершенств человеческой жизни.

В военно-поэтическом дискурсе распространенной является метафорическая модель СМЕРТЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ БЫТИЯ. Такая модель предполагает наличие общих характеристик у жизни и смерти и развивает идею, что сознательная жизнь личности продолжается в некой форме и после смерти, однако речь здесь идет не о бессмертии, а о жизни иного содержания: *К родным, друзьям и близким, узнавшим боль и грусть, с небес дождем прохладным я к вам ещё вернусь... Вернусь улыбкой сына, туманом у реки, и эхо отзовется: «Прощайте, мужики!»*. Другим вариантом реализации этой метафорической модели является представление смерти как продолжения военной службы в другом измерении (*В разведку если позовут меня*

на небеса; Ви служите браття на небесних чатах!; Тіла братів накриті стягом, прощання з вами назавжди, ви йдете в небо нести варту, а ми за вас і ще помстимося), причем связь между живыми и погибшими не прерывается (*Хто сьогодні пішов у вічність? Боронити нас з неба. ХТО?!!!*).

В случае репрезентации смерти в метафорической модели СМЕРТЬ – АКТ ИСКУПЛЕНИЯ мы имеем дело с моделью, делающей акцент на основном догмате христианства – идее искупления: *Не в старческой постели – под канонады гул из стылого окопа на небо я шагнул. Без друга-автомата, без каски и брони, прими меня, Всевышний, спаси и сохрани! Как и тебе, мне выпало, крича разбитым ртом, взойти на крест под утро с железом под ребром.* Идея искупительной жертвы в христианстве состоит в том, что за все грехи людей была принесена искупительная жертва – добровольная смерть Иисуса Христа. Рожденные в недрах обрядовых институций древности, в христианстве понятия *жертва* и *жертвоприношение* преобразовались в понятие *жертвенность*, понимаемое как эмоционально-психологическое состояние, нравственная установка, позволяющая при любых исторических испытаниях сохранять и воспроизводить особый морально-религиозный психотип (Коленченков, 2006). Развитие метафорической схемы СМЕРТЬ – АКТ ИСКУПЛЕНИЯ основывается на уподоблении жертвенности Богочеловека, отдании себя Воли Творца, желании сострадать вместе со Христом (Архиепископ Михаил, 2010). Архетип жертвенности глубоко, многогранно и драматично проявляется в когнитивных метафорах, раскрывая способность и желание комбатантов пожертвовать своей жизнью во имя Родины и ближних (*Скорбный звон похоронный. Набегала слеза... У святых на иконах погрузнели глаза. Это – старая повесть, так бывало не раз – не позволила совесть свой нарушить приказ, не дала оставаться от беды в стороне. Чем до смерти терзаться – лучше смерть на войне*).

Метафорическая модель СМЕРТЬ – ЗАБВЕНИЕ отображает существование у комбатантов страха пустоты, бесцельности и бессмысленности существования (*Нас проглотит густой туман, уйдем мы в бездну безвозвратно. Судьба сценарий расписала нам – не все придут домой, обратно. Ну почему? Зачем? Как так? Мы жизнь на жизнь других меняем...*). Понимание смерти как забвения приводит к тому, что субъект перестает видеть смысл в своей

жизни, он оказывается в пустоте, а его деятельность, становясь средством заполнения этой пустоты, теряет все потенциальные смыслы (*А мне б тебя, уставшего и голодного, давно не бритого и с больной ногой, с потухшим взглядом и внутри «холодного» вернуть живым с передовой*). Защитой от страха смерти становится стремление приобрести социальное бессмертие, потому смерть воспринимается в нравственном ключе (*Та знай, що жертву людству здійснив ти не дарма; Я – Двухсотий. Ісповнив долг, прийняв жребий судьбы безропотно, я старался делать, что мог, как бы ни было это хлопотно*). Для комбатантов критерием смысла как выполняемой деятельности, так и жизни в целом, их жизненной опорой и ориентиром являются осознание народом Украины важности роли военнослужащих в поддержании мира в стране, положительная оценка их деятельности (*Не дайте ніколи забути імен тих героїв війни, прошу вас їх просто почути – в словах вони й нині живі. Не дайте вже мертвому впасти в брудний і потопаний сніг. У солдата завжди мало часу, коли він навечно в війні. Не дайте померти живому в зневірі, у втраті мети, скрізь біль, скрізь натяжливу втому дозвольте усім їм діяти*). Субъект начинает искать бессмертие в памяти живых (*Прости, братан, меня уж нет в живых, в раю все наши, те, кого любили. Опубликуй, прошу, мой нервный стих, ведь живы мы, пока нас не забыли...*).

Важность в современном военно-поэтическом дискурсе метафорической модели СМЕРТЬ – ПОКОЙ (*Еще один ушел, с передовой, не помахав рукою на прощанье. Он был такой же, как и мы с тобой, «Вернусь живым» – давал он обещание. Но не сбылось, не удалось, не получилось, теперь его уже никто нам не вернет. Скажи, Господь, ну как так получилось, что никогда домой он больше не зайдет? Осталось только рамка с улыбающимся фото, осталась память, сохраненная в сердцах. И те, кто не жалел ни сил, ни крови с потом, теперь спокойно спят на небесах*) является маркером усталости комбатантов от длительного пребывания в жизненно опасных обстоятельствах, значительного эмоционального влияния, психического и физического перенапряжения, психосоматического истощения. Как нормальная реакция на ненормальные обстоятельства, психика комбатантов индуцирует нетипичную для мирного времени интерпретацию смерти – она воспринималась просто как прекращение физических и душевных страданий, ее уже не

бояться (*Спи, брат, земля пусть будет пухом. Тебе желаю мягких облаков...*).

В метафорической модели СМЕРТЬ – НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ (*На Млечном перекрестке столкнулись две души: одна – пешком до Бога, другая – в грешный мир. Одна – душа Солдата, погибшего в бою, еще одна – младенца, рожденная в раю...*) смерть осмысливается через концепцию всеединства и трактуется в ракурсе диалектического взаимодействия жизненного и смертного начал человеческого бытия. Онтологическая дихотомия жизни и смерти, их нераздельная сущность раскрывается в описании встречи двух душ: ребенка, ожидающего свое рождение, и погибшего солдата – отца этого младенца. В данном контексте смерть воспринимается как закономерное завершение определенного жизненного цикла и начало нового (*Ход жизни не прервется – он возродится вновь!*). Представление смерти как необходимого элемента существования живого является маркером позитивистской картины мира.

Выводы

Интерпретационный компонент вооруженного конфликта на востоке Украины реализуется в метафорических моделях. Спецификой военно-поэтического дискурса участников операции Объединенных сил является конструирование картины войны с помощью метафоры смерти. Анализ метафорических моделей демонстрирует когнитивное укоренение в сознании комбатантов моделей смерти, основывающихся на мифологических, религиозных и философских идеях. Разнообразие метафорических моделей доказывает, что смерть является феноменом, недоступным для понимания с позиции одностороннего подхода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Православное учение о вечном спасении. Спасение как цель и состояние. Санкт-Петербург : Сатис, 2010. 250 с.
2. Долгова Е.В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе. *Филология и человек*. 2018. № 1. С. 19–30.
3. Коленченков Н.В. Духовно-нравственные основы Русской Православной цивилизации. Русская этнополитология и национальная идея. Москва : Дом «Граница», 2006. 154 с.
4. Кравцова Ю.В. Семантико-когнітивне моделювання метафоризації. *Мовознавство*. 2011. № 1. С. 43–54.
5. Мальный Н.Н. Метафорическая концептуализация военных действий в англоязычных СМИ: гендерный аспект. 2019. URL: <http://hub.sfedu.ru/media/diss/4193fd91-e92b-44b6-bd4f-91b1a44283bc...> (дата обращения: 10.02.2020).

6. Мальный Н.Н. Проблема освещения военных событий в СМИ: идеология – концептуализация – гендер. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 105–108.
7. Мохова Е.К. Военная метафора в политическом дискурсе президентов Барака Обамы и Николая Саркози. *Молодой учёный*. 2010. № 3(14). С. 193–196.
8. Попова Т.Г., Зарипов Р.И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ. *Когнитивные исследования языка*. 2017. № 5(65). С. 125–129.
9. Урюпин И.С. Образ блудницы в стихотворениях о России И.А. Бунина и С.С. Бехтеева: библейский подтекст и контекст. *Вестник московского государственного областного гуманитарного института. Серия: филология, лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 1. С. 70–74.
10. Faur, E. Integral Semantics and Conceptual Metaphor: Rethinking Conceptual Metaphor Within an Integral Semantics Framework. *Cognitive Semiotics*. 2014. № 5(1-2). P. 108–139. Retrieved 12 Feb. 2020. DOI: 10.1515/cogsem.2013.5.12.108 (дата обращения: 10.02.2020).
11. Grady J., Johnson C. Converging evidence for the notions of subscene and primary scene. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2002. P. 533–554.
12. Madsen M.W. Cognitive Metaphor Theory and the Metaphysics of Immediacy. *Cognitive Science*. 2016. № 40. P. 881–908. DOI: 10.1111/cogs.12320 (дата обращения: 10.02.2020).

REFERENCES:

1. Arhiepiskop Mihail (Mudyugin). (2010). *Pravoslavnoe uchenie o vechnom spasenii. Spasenie kak cel i sostoyanie* [Orthodox doctrine of eternal salvation. Salvation as a goal and condition]. SPb.: Satis [in Russian].
2. Dolgova, E.V. (2018). *Militarnaya metaforika v medijnom diskurse* [Military metaphor in media discourse]. *Filologiya i chelovek*. № 1. P. 19–30 [in Russian].
3. Kolenchenkov, N.V. (2006). *Duhovno-nravstvennye osnovy Russkoj Pravoslavnoj civilizacii. Russkaya etnopolitologiya i nacionalnaya ideya* [Spiritual and moral foundations of Russian Orthodox civilization. Russian ethnopolitology and national idea]. Moskva : Dom «Granica» [in Russian].
4. Kravcova, Yu.V. (2011). *Semantiko-kognitivne modelyuvannya metaforizaciyi* [Semantic-cognitive modeling of metaphorization]. *Movoznavstv*. № 1. P. 43–54 [in Ukrainian].
5. Malyj, N.N. (2019). *Metaforicheskaia konceptualizaciia voennyh dejstvij v angloyazychnyh SMI: gendernyj aspekt* [Metaphorical conceptualization of hostilities in English-language media: a gender perspective]. URL: <http://hub.sfedu.ru/media/diss/4193fd91-e92b-44b6-bd4f-91b1a44283bc...> [in Russian].
6. Malyj, N.N. (2018). *Problema osvesheniya voennyh sobytij v SMI: ideologiya – konceptualizaciya – gender* [The problem of media coverage of military events: ideology – conceptualization – gender]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. № 1(22). P. 105–108 [in Russian].
7. Mohova, E.K. (2010). *Voennaya metafora v politicheskom diskurse prezidentov Baraka Obamy i Nikolaya Sarkozi*

- [Military metaphor in the political discourse of Presidents Barack Obama and Nicolas Sarkozy]. *Molodoy uchyonyj*. № 3(14). P. 193–196 [in Russian].
8. Popova, T.G., Zaripov, R.I. (2017). Osobennosti metaforicheskoy reprezentacii obraza Rossiiv zapadnyh SMI [Features of a metaphorical representation of Russian image in the Western media]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. # 5(65). P. 125–129. [in Russian].
 9. Uryupin, I.S. (2015). Obraz bludnicy v stihotvorenyah o Rossii I.A. Bunina i S.S. Behteeva: biblejskij podtekst i kontekst [The harlot image in poems about Russia by I.A. Bunin and S.S. Bekhteev: Biblical Subtext and Context]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: filologiya, lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya*. № 1. P. 70–74 [in Russian].
 10. Faur, E. (2014). Integral Semantics and Conceptual Metaphor: Rethinking Conceptual Metaphor Within an Integral Semantics Framework. *Cognitive Semiotics*. № 5(1-2). P. 108–139. DOI: 10.1515/cogsem.2013.5.12.108 [in English].
 11. Grady, J., Johnson, C. (2002). Converging evidence for the notions of subscene and primary scene. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York : Mouton de Gruyter. P. 533–554 [in English].
 12. Madsen, M.W. (2016). Cognitive Metaphor Theory and the Metaphysics of Immediacy. *Cognitive Science*. № 40. P. 881–908. doi.org/10.1111/cogs.12320 [in English].

Стаття надійшла до редакції 02.03.2020.

The article was received March 2, 2020.